

ЛИЗИНЫ СКАЗКИ

сшитые из старых одежек

МЫ▲ЛЕ▲ТА▲ЛИ

семейный проект

История третья

ЛИЗИНЫ СКАЗКИ

сшитые из старых одежек

МЫ:
ле^{ня} >> поэт
та^{ня} >> художник
ли^{за} >> куратор

МЫ▲ЛЕ▲ТА▲ЛИ
семейный проект

Лиза раскачивалась на качелях, распевая какое-то сумасшедшее поурри из песенок, выученных в детском саду. Неожиданно замолчав и романтично наклонив голову, спросила: «Папа, мама, а хотите *я вам спою песенку из моего детства?*». Сам факт наличия у Лизы какого-то отдельного детства вызвал у нас огромный интерес. Конечно, мы попросили спеть... Томно прикрыв глаза, как бы вспоминая, Лиза протяжно запела: «Агу-агу». Так мы поняли, что у Лизы появилось прошлое и она его бережно хранит! Лиза не любит расставаться со старыми вещами, любит новые игрушки и новые сказки. Все персонажи в этой книжке сшиты из старых Лизиных одежек. Это Лизино прошлое, которое всегда будет с ней!

1

Про черепаху Любу

или История про любовь без панциря

Бывает, рождаются зебры без полосок. Бывают нелетающие птицы и двухголовые телята. Поэтому нормально и неизбежно, что должна была однажды родиться черепаха без панциря. Может, это и нормально, может, это и неизбежно, но именно черепашке Любе панциря не досталось. Нет, ноги были в нужном количестве, и голова на длинной шее, и даже короткий весёлый хвостик. Всё было. А панциря не было.

Любе нравились панцири. Они были такие надёжные. Тяжёлые. С ними было так спокойно. Иногда она брала одну свою сестру Веру, клала вниз и укрывалась второй — Надей. И представляла, что она в панцире. Ей становилось так спокойно, так уютно. Но сёстры-непоседы быстро уползали, а черепашка оставалась одна.

Её внутренний мир был весь нараспашку. Всё, что происходило вокруг неё, и ранило, и радовало — иногда одновременно. Люба очень хотела укрыться. Но черепашка без панциря нигде не может укрыться. Вот Люба и подумала, что она могла бы одолжить чужой панцирь. Но никто не согласился поделиться с ней.

Так что к моменту окончания школы она узнала об окружающем мире гораздо больше, чем полагается маленькой черепашке. А уж почувствовала столько, что хватило бы на две школы и ещё черепашьё училище. После школы все черепашки стали устраиваться. Только Люба не могла нигде устроиться.

Её всё колело, обжигало, щекотало. Как только она останавливалась, ей становилось неудобно. Зато она научилась делать многое такое, что черепахам в панцирях было невозможно или неинтересно, потому что невозможно. Она даже научилась ездить на мотоцикле — панцирь нисколько не мешал ей. А её незащищённое тело наслаждалось хлёсткими объятиями встречного задорного ветра.

Риск и скорость не для черепах — говорили ей. «Ну, может, я и не совсем черепаха», — сказала Люба. И как только она это сказала, она поняла. Что вовсе не обязательно быть черепахой. Можно быть просто Любой. И ей стало так легко, что она засмеялась, как будто на неё посыпали перья из подушки и они щекотали её во всех местах. Продолжая смеяться, она вскочила на свой мотоцикл и умчалась туда, где неважно — черепаха ты или нет. По дороге без начала и конца.

Она до сих пор в пути. На своём изрядно пополневшем розовом теле она сделала множество загадочных татуировок, и после каждого приключения появляются новые. Татуировок уже очень много, но место ещё есть. Обтянутая чёрной кожей, она с громким звуком Харлей Дэвидсона может возникнуть неожиданно в любом месте и уехать не спросясь, ведь она абсолютно свободная Люба.

2

Про петушка, *философию*

или История о несъеденном друге

Петушок старался изо всех сил. Но чем больше он старался, тем чаще срывался — то на фальцет, то на крик, а то и просто с забора, гребешком в навоз. Родственники поддерживали его, как могли. Но что уж поделаешь, если петушку явно не хватало петушиности. Зато он приобрёл хорошие манеры, научился извиняться и быстро бегать. Он так бы и произвинулся всю жизнь, если бы не обыкновенный, самый обыкновенный, хотя, может быть, и нет — вовсе не обыкновенный червячок. А дело было так...

В одну звонкую лунную ночь петушок опять сорвался, на этот раз с насеста, и пребольно ударился. Прихрамывая, он вышел в заполненный луной двор. Маленькая извилистая тень — и вот уже наш петушок бьёт клювом на опережение. Тьфу! — полный клюв земли. Где же червяк? Вкусный толстый червяк?

Червячок сидел на том же самом месте, не двигаясь. Он аппетитно и задумчиво глядел куда-то вверх. «Ты куда смотришь?» — спросил петушок. Червячок ответил ему спокойно и даже как-то приветливо: «Посмотри на этот лунный свет, он с одинаковой любовью освещает и меня, и тебя, и даже ту кучку навоза, в которой ты вчера так презабавно торчал».

Упоминание вчерашнего случая ужасно разозлило петушка, и он повернулся, чтобы закусить маленьким философом. Но как только его тень упала на червячка, тот враз исчез. Из темноты тот же приветливый голос продолжил: «Видишь, нет света — нет и меня. Зато есть прекрасная кучка зёрен, чуть левее, около лопаты».

Пока петушок клевал зёрна, червячок рассказывал ему про природу вещей и всё такое. Утром, посреди оживлённого птичьего базара, задумчивый петушок снова выглядел как удобная жертва, чтобы его пинать, кусать и пощипывать. В обычный день так бы все и делали, но в этот раз всё пошло по-другому...

Руководитель куриного отряда, прекрасный собой и весьма упитанный золотокрылый петух всего-то что и подумал, как позавтракать симпатичным червячком. Но в этот момент наглый юноша преневопитанно склевал червячка прямо перед носом у вышестоящего начальства.

Конечно, он его не склевал, а спрятал у себя в клюве от неминуемой смерти, потому что это был его маленький друг философ. В другой бы день наш петушок извинился и убежал, ведь он это прекрасно умел делать. Но с червячком во рту извиняться было невозможно, а бегать неудобно. Поэтому наш маленький герой принял бой. Впервые в своей жизни он принял бой. Не извинился, не убежал, а принял самый настоящий бой, который, к слову, быстро закончился — победой. Ведь когда у петушка нет выхода, он пробивает его сам, даже если на пути стоит большой и очень упитанный петух.

С той поры наш герой находится в большом авторитете, он ходит важно и молчаливо, никогда не срывается. Если честно, он вообще редко открывает рот, ведь не особенно удобно разговаривать, когда у тебя во рту находится твой друг.

Молодые курочки романтично вздыхают, сидя на своих насестах, и рассказывают друг другу, что молчаливый красавец лунными ночами подолгу прогуливается в полном одиночестве в дальнем углу двора и разговаривает сам с собой о чём-то чрезвычайно умном и непонятном. И это делает его в глазах курочек особенно привлекательным.

З

Про рыб, лягушек и миротворчество

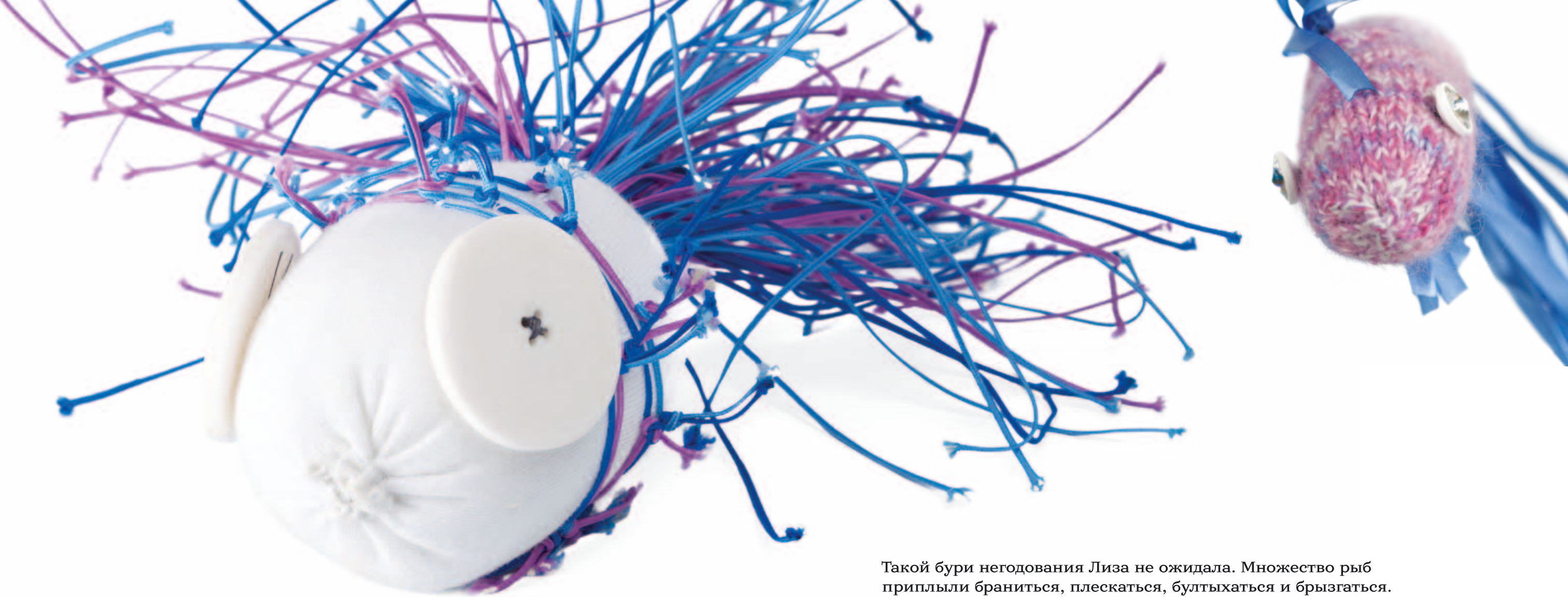
*или История, случившаяся
в нашем пруду*

У нас в деревне есть пруд, где Лиза пользуется большим авторитетом среди головастика. Лиза была бы не прочь познакомиться и с рыбами, но рыбы, наверное, считают Лизу большим головастиком, поэтому стараются держаться от неё подальше.

Когда головастики вырастают, они превращаются в серьёзных лягушек и начинают активную концертную деятельность. А Лиза им всегда аплодирует и бросает в воду ромашки. Лиза вообще очень благодарная публика.

Но однажды вечером пруд погрузился в мрачную тишину. Лягушки молчали. Рыбы молчали в ответ. И от этого молчания даже кувшинки ощетинились. Лиза спросила проплывавшую мимо рыбку что-то необязательно вежливое про детей и червячков, а потом очень осторожно поинтересовалась причиной отмены вечернего концерта.

Такой бури негодования Лиза не ожидала. Множество рыб приплыли браниться, плескаться, бултыхаться и брызгаться. Среди поднявшегося гвалта Лиза с трудом разобрала, что рыбы потребовали тишины, потому что, в отличие от лягушек, они предпочитают по ночам спать.

А когда тишина не появилась, рыбы разделили пруд на две половины и объявили войну. Лягушки же ничего не объявляли, просто вместо одного вечернего концерта дали три: вечерний, ночной и утренний.

После такого втрое возмущённые рыбы назначили решающее сражение. Лиза весь вечер бегала вдоль пруда, пытаясь помирить враждующие стороны. И даже промолив свои розовые босоножки, не расстроилась, потому что для друзей ей ничего не жалко. Но всё было зря. Лягушки пели, рыбы кричали, пруд бурлил, война приближалась.

При всём уважении к роли Лизы в миротворческом процессе, мама заставила её идти ужинать. Потом было много дел и надо было посмотреть пару снов, но зато рано утром, вместе с солнечными зайчиками, в комнату пришла идея. Лиза взяла идею и бережно, стараясь не расплескать, отнесла в пруд. Было так тихо, что она даже шла шёпотом.

Сначала лягушки не поверили в идею — даже самый маленький головастик засмеялся. Но Лиза уговорила их попробовать. В тот же день, получив от лягушек официальное приглашение на вечерний концерт, рыбы очень удивились. И от удивления пришли в полном составе, нарядившись в лучшую чешую.

После первой колыбельной, исполненной лучшим басом пруда, половина хвостатой публики погрузилась в сон. А когда тонкоголосый дебютант закончил свое выступление, рыбы спали настолько крепко, что их не разбудили даже Лизины аплодисменты и брошенные в воду ромашки.

Идея с тех пор живёт в пруду, а рыбы записываются в очередь за билетами на концерт. Некоторые особенно музыкальные лягушки приобрели такую популярность, что совершают гастрольные туры по ближайшим прудам. Колыбельные, конечно, несколько узкий жанр, но тем интереснее для лягушек, потому что они настоящие мастера вокала.

4

Про козу и стрекозу

или История о сновтворчестве

Стрекоза села на лопух и заснула. Ей приснился сон, что она — коза и живёт прекрасной козьей жизнью.

Коза прилегла в душистое сено и тоже заснула. Ей приснилось, что она — стрекоза и беззаботно порхает, звенит и переливается, как полагается стрекозе.

Стрекозе снилось, что она плавно летит над шёлковыми зелёными полями, а сладкие облачные цветы сами залетают ей в рот и тают на языке. У этих цветов такой аромат и сочность, что даже её белоснежная волнистая шерсть пахнет как сладкое облако.

А в это время козе снилось, что она стремительно скачет по огромным пружинистым лопухам, окружённая сверкающей радугой крыльев.

А блестящие листья подхватывают и подбрасывают, подхватывают и подбрасывают снова. И это так весело, что она хохочет, и счастье превращается в кристально чистое стрекозиное молоко, которое так любят её милые 40 стрекозлят.

А в это время стрекозе снилось, как могучий и благородный козёл закружил её в танце вокруг самого высокого холма, проносясь мимо деревьев так близко, что она зажмурилась от страха и восторга.

А в это время козе снилось, как её стрекозлята построили прекрасный дом из атласной травы, и в этом доме всем сорока нашлось место, и ещё остались комнаты для её друзей и друзей её деток. И вот она, в закатных лучах, как в золотой мантии, выводит на прогулку своё собственное стрекозиное стадо, сверкающая и прекрасная, окружённая любовью и уважением.

Так обидно было просыпаться. Но пришлось. Всё утро стрекоза и коза рассказывали друг другу свои сны, а почтенные курицы обходили их стороной — уж очень громко те смеялись.

5

Облачный жираф

*или История о высоком небе
под ногами*

С утра на небе было пусто. Ну, не то чтобы совсем пусто, там были маленькие облака, средние и даже несколько больших. Было солнце, пара птиц и всё, что полагается приличному небу. Но там не было слона с шестью ногами, смеющегося кита, и даже пушистый самолёт куда-то пропал.
— Почему небо пустое? — спросила Лиза у мамы.
— Оно пустое потому, что мы с тобой не видим на нём ничего интересного! — сказала мама.
— Ну давай увидим что-нибудь! — сказала Лиза. — Ну, давай, давай! Они легли на траву и стали видеть.

Крылатая рыба ехала на лебедь. Потом появились гигантские пчёлки и пароход с шестью трубами. Скоро в небе стало тесно. Там столько всего было, что самого неба осталось совсем чуть-чуть.

Только одно Лизу расстраивало. Прямо над её головой висела странная штука — с четырьмя головами, длинным хвостом и без ног. И эта штука никак не хотела увидаться, ну никак! От расстройства Лиза пошла на качели. И чем сильнее качались качели, тем веселее выглядела странная штука.

А когда качели взлетели высоко-высоко, так, что небо засуетилось под ногами, эта странная штука увиделась прекрасным длинноногим жирафом.

«Небесный жираф!» — сказала Лиза. И с небесного жирафа на Лизу что-то закапало. Лиза качнулась повыше и спросила жирафа: «Зачем ты плачешь?».

«Я так рад, что ты увидела меня. На всём небе нет никого, кто мог бы со мной поговорить. Не могу же я разговаривать с пятками и пóпами».

Лиза взлетела на качелях еще раз. И весело закричала: «Не плачь, я увижу для тебя кучу друзей!». До самого вечера Лиза висела вниз головой на турнике, чтобы увидеть самых разных друзей для небесного жирафа.

На вечерней закатной дискотеке друзья небесного жирафа устроили в небе такие танцы, что даже дождь пошёл вверх тормашками. А вместо радуги-дуги на небе получилась радужная улыбка.

6

Про злого щенка

или История о силе любви

Жизнь была несправедлива к щенку. Никто и ничто не помогало ему. Щенка ждала карьера уважаемого цепного пса. Из тех, про которых пишут на заборах специальные предупреждения. Но стоило щенку хоть чуть-чуть разозлиться, как тут же кто-нибудь из семьи, как будто назло, угощал его вкуснятиной или вообще гладил. Причём, ладно бы просто погладили и отошли. А то ведь возьмут на колени, прижмут, теревить начнут. И что вообще возмутительно, говорят всякие ласковые слова. Ну злости на них никакой не хватит. Вот щенку и не хватало. Он даже ходил за злостью на рынок. Но вместо доброго пинка, ну или хотя бы камня, он опять слышал: «Уси-пуси, какой милый!». И, о ужас, они опять давали ему вкуснятину.

Как-то утром щенок понял, что злость ушла. И ушла совсем. Он звал её, скулил и весь день просидел около ворот. Но злость так и не вернулась. Уже ночью, смотря на прищуренную луну, щенок окончательно и бесповоротно понял, что он всех любит. Это была катастрофа. Он понял, что опозорил свой род. И тогда щенок принял самое главное решение в своей жизни. Он решил принять позор, проявить свою слабость и приготовился к тому, что его выгонят со двора.

На следующий день он излил всю накопившуюся любовь на старшую хозяйку, облизав всё, что облизывалось, а потом дооблизав в прыжке всё, что не облизывалось. Излившаяся на хозяйку любовь оставила следы в виде слюней, которые нарядными ниточками украсили её новый чёрный свитер.

После этого всплеска эмоций случилось чудо. Щенка наконец-то посадили на цепь. Он был безмерно горд. И начал строить планы на будущее. Но когда пришли дети из школы, они его отпустили и ещё зачем-то поругались с мамой. Тогда щенок облизал младшую хозяйку. Чтобы удобнее было облизывать, он повалил её на землю и нежно придерживал своими окрепшими лапами.

Младшая хозяйка была не такая крупная, как старшая. Поэтому слюни украсили ее с ног до головы. После этого, дела щенка пошли в гору гораздо быстрее. Он теперь часто сидел на цепи и его даже перестали пускать в дом. Щенок понял правоту

китайских мудрецов и японских тренеров по персоналу, которые говорили о том, что для подлинного успеха необходимо принять себя. Целыми днями сидя на цепи, он копил любовь. И изливал свою нежность на любого, кто входил во двор. Чтобы обратить на себя внимание, он кричал во весь голос о том, как безгранично он любит весь мир и особенно того симпатичного прохожего, шаги которого доносятся из-за забора.

От долгих тренировок его голос окреп. А сила любви выросла так, что однажды он порвал цепь, повалил и облизал всю семью, гостей и начальника хозяина. На следующий день его посадили на новую цепь, которая была толще, гораздо толще, чем та цепь, на которой сидел его дедушка. А на заборе повесили предупреждение: «Осторожно, ласковая собака!».

7

Про мышку, ставшую ёжиком

или История о пушистых колючках

Жила-была белая и пушистая мышка с удивительно колючим характером — всё в этом мире её не устраивало. И норка не устраивала. И друзья не устраивали. Но больше всего, конечно, её не устраивала кошка.

Мышка хотела изменить мир. Для начала она побрилась налысо. Её розовая голая тушка и длинный скользкий хвостик должны были стать символом протеста против устоявшегося порядка вещей. Но никто её не понял. Все показывали на неё пальцем и смеялись. А ведь мышка задумывала этот поступок как послание о том, что все мы беззащитны перед лицом судьбы.

Оказавшись непонятой, мышка решила пойти на радикальные меры и стать ёжиком. Мышка вообще ставила перед собой непосильные задачи.

В книгах конкретного рецепта она не нашла. В одних говорилось, что нужны иголки, в других — что булавки. Но все они сходились в одном: просто так ещё ни одна мышка не стала ёжиком. Однако мышка решила рискнуть. С большим трудом она достала подушечку из-под иглолок. С иголками!

И попросила знакомого крота сделать ей пересадку. Слепую крот сделал ей больно, причем не один раз, но так и не смог поставить ни одной иголки. Крот был единственным её другом, однако после такого мышка поссорилась и с ним.

В конце концов она переселилась в подвал мексиканского ресторана и стала есть каждый день только острый перец чили. И ела до тех пор, пока у неё внутри всё не закололо. А потом она набрала воздуха и стала тужиться. И тужилась так, что у неё по всему телу появились маленькие бугорки. Она набрала воздух ещё раз и стала тужиться дальше. Тогда из бугорков показались маленькие острые иглы. Острые, как перец чили. Она еще не стала ёжиком, но уже была очень колючей мышкой.

На этом она решила сделать перерыв и немного передохнуть. Утром мышка пошла в лес. Лесная роса радужными бусинками повисла на каждой её маленькой новой иголочке. Так что на полянку к ёжикам она вышла вся в сверкающих бриллиантах капель.

Ёжики были в восторге. Мир повернулся к колючей мышке своей лучшей стороной. В мире ёжиков она была вовсе не колючей, а просто немного шершавой. Каждый уважающий себя ёжик хотел немедленно пригласить её на танец и позвать к себе на зимовку.

К осени мышка всё-таки приняла одно из перспективных предложений и удалилась на зимовку с весьма симпатичным и обходительным ёжиком по имени Егор. Засыпая, она ёжилась и вспоминала свою тёплую пушистую белую шубку.

Весной мышка, которая стала ёжиком, вышла погулять на свежую зелёную травку. О чудо! Белая шубка выросла снова, скрыв под собой колючие иголки. Но мышка этому не обрадовалась. Она подумала, вдруг Егор прогонит её, такую белую и пушистую. Но в лесу не работала парикмахерская. И хотя она была готова сбрить свою шёрстку ради любви, она не смогла этого сделать и приготовилась к худшему.

Встретив её на пороге норки, ёжик Егор обнял её, нежно погладил по мягкой шёрстке и сказал: «Мышка ты моя...». Тут-то всё и встало на свои места. Теперь в лесу бегают белый и пушистый ёжик, на которого накололась уже не одна кошка. И ёжика всё абсолютно устраивает.

8

Про бактерии

или История о животной дискотеке

Лизиной маме не нравятся микробы и бактерии, а вот Лиза им сочувствует. Бактерии часто бывают вредными, примерно как Лиза, но это же не повод смывать их в раковину... Но с другой стороны, если микробы и бактерии вовремя не смываются, то, по словам мамы, они попадают в Лизин живот. Лизе не жалко — живот у неё круглый, а бактерии маленькие. Но в животе темно и очень скучно! Поэтому, съев грязное яблоко, Лиза включает музыку погромче и прикладывает магнитофон к своему тугому брюшку.

От микробных танцев у Лизы иногда болит живот, поэтому, из соображений культуры и гигиены, Лиза подумывает — не проглотить ли ей лото, ну и ещё, может быть, телевизор, чтобы отвлечь микробов от танцев и привлечь к более спокойному времяпрепровождению. Ещё бы неплохо съесть книжку по анатомии, чтобы маленькие бактерии не заблудились... Или, может, всё-таки мыть руки?

Мы летали, мы летали...

Огромное спасибо за помощь бабушкам и дедушкам,
Алёне Борисовой, Полине Жучковой,
Екатерине Рябикиной и Денису Смурову

www.takdesign.ru